

Международная экономика

Р. Бойд ДЖОНСОН

**КУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
В УКРАИНЕ****Резюме**

Процесс глобализации способствует постоянному росту культурной компетентности (CQ). В статье рассмотрены результаты исследования CQS, проведенного в Украине в течение 2012–2013 годов. Изучение проблемы проводилось в три этапа. Этап I включал перевод и адаптацию шкалы культурной компетентности (CQS) для украинской аудитории с использованием двух фокус-групп, которые насчитывали 17 респондентов. Этап II заключался в тестировании переведенной Шкалы культурной компетентности для 300 респондентов-участников. Этап III состоял во введении Шкалы культурной компетентности (CQS) в систему мониторинга по всей Украине. Количество респондентов насчитывало приблизительно 1800 человек. Инструмент был переведен на украинский и русский языки; пробное тестирование проводилось во время пилотного этапа, а сбор данных осуществлялся по всей территории Украины. Результаты исследования являются значительным вкладом в понимание значения культурной компетентности в неамериканской среде.

© Р. Бойд Джонсон , 2014.

Джонсон Р. Бойд, доктор, профессор, Уолденский университет, США.

Ключевые слова

Межкультурная коммуникация, культурная компетентность (CQ), межкультурное взаимодействие, шкала культурной компетентности (CQS), заменяемость.

Классификация по JEL: O15.

Введение

Поскольку мировые границы становятся все более размытыми, необходимость в культурной компетентности продолжает расти. Особое место в этой сфере занимает бывшая советская республика Украина – страна, переживающая важный период перехода от коммунистического режима к новой форме демократического и капиталистического лидерства. В 1991 году Украина стала независимым государством после распада СССР. Однако, в связи со слабым пониманием демократических политических систем, настоящей независимости не существовало (Субтельный, 2009). Даже после падения советской системы украинцев настигла коррупция на всех уровнях. Неуверенность в ценностях, бывших когда-то ключевыми для страны, вызвала так называемую «Оранжевую революцию» в 2004 году. Еще более радикальные социальные и политические изменения произошли в Украине во время событий Евромайдана (декабрь 2013 г.) и Крымского кризиса (февраль 2014 г.). Крымский полуостров был присоединен к России после военного вторжения российской федерации на его территорию; а Украина подписала политическую часть Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом. Социальная, экономическая и культурная жизнь Украины изменяется. Таким образом, существует необходимость исследовать понятие «культурной компетентности» в контексте нынешних событий.

Культурная компетентность в Украине

Понятие культурной компетентности, являющееся производным от культурной осведомленности и культурного восприятия, широко используется украинскими социологами, которые вводили этот термин для объяснения понятий межкультурной коммуникации и привлечения населения к уча-

стию в культурной жизни. Однако термин является новым для исследования в Украине. Несмотря на то, что изучение проблемы культурной компетентности было проведено во многих странах, есть несколько трудов, анализирующих культурную компетентность именно в постсоветских странах, изучая существующую литературу и научные достижения, исследователи до сих пор не нашли источников, где бы освещалась проблема культурной компетентности в Украине. Это социологическое исследование является первым в стране изучением данного вопроса с применением шкалы культурной компетентности.

Исследование дополнит научные достижения в сфере CQ в важном географическом регионе, который недавно стал независимым. Сочетание теории и практики является чрезвычайно важным, поскольку Украина находилась под авторитарным правлением в течение сотни лет. В настоящее время нация выходит на мировую арену, где культурные навыки и компетентность имеют важное значение. Поэтому целостная концептуальная основа CQ является новой и интересной сферой исследования в этой стране.

Теоретическая основа

Немало ученых считает, что использование определенных инструментов исследования может быть применено в разных культурах, независимо от того, где они разрабатываются. Однако те инструменты, которые были утверждены в нескольких странах и используются за их пределами, часто не учитывают заменяемость другого региона. Осуществленный обзор литературы демонстрирует, что многие межкультурные исследования свидетельствуют о статической реальности. Эту мысль разделяет и Хофстед с теорией культурных измерений. Однако, как отмечено в других литературных источниках, культура динамична, неустойчива и постоянно изменяется. Например, Гох (2009) высказал мнение, что концепции и теории являются заменяемыми лишь там, где культурные нормы и ценности считаются сходными. Понимание понятий, идей и слов вызывает лучшее восприятие межкультурных принципов и мировоззрения. Для сокращения разрыва между методами оценки, которые используются западными учеными в восточных культурах, в данном исследовании мы должны определить, какой язык следует использовать для достижения поставленной цели (Барнс Д., Буко С., Джонсон Б., Костенко Н., 2012).

Понятие культурной компетентности впервые было представлено в 2003 году и определено как «способность человека функционировать и эффективно управлять в культурно различных условиях» (Анг и Ван Дайн, 2008, с. 3). CQS была разработана для проверки и подтверждения теории таких ученых, как Эрли и Анг (2003), в отношении определения термина

«культурный интеллект», который основывается на многомерном локусе межкультурной компетентности Штернберга. CQS измеряет четыре основных фактора, представляющих разные возможности CQ: CQ-идея, CQ-знание, CQ-стратегия, и CQ-действие. Эта четырехмерная шкала состоит из 20 пунктов.

Анг и др. (2007) утверждают, что CQ исследует конкретные сферы в межкультурных условиях. Эта многомерная составляющая включает четыре элемента культурной компетентности: а) когнитивный – «научно-культурные нормы, практики и правила индивида в разной культурной среде», б) мета-когнитивный (Ван Дайн и др., 2008, с. 16) – «культурное сознание индивида и его осведомленность о взаимодействии с представителями другого культурного происхождения» (Ван Дайн и др., 2008, с. 16), в) мотивационный – «способность человека направлять внимание и энергию в отношении культурных различий» (Ван Дайн и др., 2008, с. 16) и г) поведенческий – «способность человека проявлять соответствующие вербальные и невербальные действия во взаимодействии с людьми иного культурного происхождения» (Ван Дайн и др., 2008, с. 16).

Культурная компетентность имеет жизненно важное значение для любого человека, который взаимодействует с различными слоями населения. Культурная компетентность «необходима для того, чтобы справиться со стрессом в результате культурного шока и, как следствие, разочарования и путаницы, которые как правило, могут быть результатом столкновения культурных различий» (Йоо-сенг, 2004, с. 19). Следствием открытия постсоветскими странами своих границ для Азии, Западной Европы и США должно стать и использование методов оценки, которые были бы заменяемыми и использовались бы гражданами разных стран и иностранцами в разных культурах. Проект, связанный с адаптацией CQS в Украине, начался летом 2012 года как совместный американско-украинский проект таких докторов, как Бойд Джонсон и Джоанна Барнза, кафедра организационного лидерства в штате Индиана Университета Уэсли (Индиана, США), и Института социологии Национальной академии наук Украины (г. Киев, Украина). Межкультурное взаимодействие и соответствующие процессы анализировались в государстве через призму, сроки и определение понятия «культурного интеллекта». В то же время, понятие «культурной компетентности», которое подразумевается как производная от «культурного образования / осведомленности» и «культурного восприятия», также широко применяется украинскими социологами (Ручка, Костенко, 2002, 2008, 2010).

Обзор проекта исследования

Исследование в Украине проводилось в три этапа: Этап I включал перевод и адаптацию шкалы к аудитории, состоящей из двух фокус-групп (17 респондентов). Украинские социологи продолжили работать с результатами пилотного теста на этапе II (осень 2012 / зима 2013): тестирование шкалы культурной компетентности для более широкой аудитории в Украине, используя переведенную шкалу для 300 студентов. Этап III заключался в интеграции CQS в аудиторию с приблизительно 1800 респондентами по всем регионам страны.

Основные цели трех фаз были следующими: 1) описать общее восприятие шкалы, основанное на ответах участников в анкете и обсуждение проблемы в украинской аудитории; 2) определить понимание и восприятие украинскими респондентами барьеров шкалы; выявить их отношение к межкультурному взаимодействию; 3) протестировать понимание переведенной шкалы среди пилотной аудитории студентов; 4) измерить культурную компетентность украинцев через систему опроса национального мониторинга (мониторинг украинского общества).

Релевантность

Украинское общество переживает серьезные изменения, связанные с политической и социальной реструктуризацией, в связи с событиями Евромайдана и Крымского кризиса 2014 года. Подписание Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом обеспечит стране более тесное сотрудничество с ЕС как со стратегическим политическим партнером. Таким образом, обе стороны будут охотно кооперировать в отношении законодательных вопросов. Принимая во внимание политическую ситуацию в стране, связанную с оккупацией и аннексией Крыма Россией, отношения с ЕС должны быть выгодными для модернизации страны. Открытые границы с Европейским Союзом будут способствовать плодотворному внешнему влиянию, оживленной межкультурной коммуникации и более регулярному взаимодействию с другими культурами.

Метод исследования (первый этап)

Начало осуществления исследования на этапе I характеризуется методом, заключающимся в обсуждении вопросов в фокус-группах. Этот способ помог определить участникам проблемы межкультурного взаимодействия, а также их интерпретацию CQS. Они смогли сформулировать свои ответы, базируясь на собственном опыте, а также стандартах и моделях до-

минирующей культуры. Обсуждение частично поспособствовало межкультурному взаимодействию. После подготовительного этапа адаптации инструментов исследования были проведены обсуждения в двух разных фокус-группах. Участники были представителями общественности (GP) и руководителями/лидерами (L), работающими в различных неправительственных организациях. Важным фактором в этом исследовании был так называемый «Закон о языке», который стал причиной оживленной дискуссии в украинском парламенте во время проведения фокус-групп. Данные (17 анкет) были обработаны методом SPSS. Анкетирование было использовано как инструмент для группировки данных; результаты исследования поспособствовали формированию гипотезы.

Метод исследования (второй этап)

Второй этап включал пилотное тестирование при участии студентов в количестве 341 человека. Они представляли Киевский национальный университет имени Т. Шевченко. В эту группу входили студенты I–V курсов, представляющие разные выпускающие программы. Группа состояла из 96 студентов мужского и 245 – женского пола. Обе версии перевода (на русском и украинском языках) были распределены вслепую, поскольку все студенты владели двумя языками в совершенстве. В пилотном тестировании дополнительные показатели также представляли интерес; таким образом, были проверены три гипотезы в отношении взаимодействия между культурной компетентностью (CQ) и избранными международными концепциями. H1 (гипотеза 1): международный опыт должен положительно влиять на мета-когнитивную, мотивационную и поведенческую культурные компетентности (CQ). Пилотной группе предложили ответить на различные вопросы, касающиеся путешествий или проживания за границей: есть ли у них друзья, переехавшие из Украины за границу, и какими средствами и с какой частотой они с ними общаются. Для получения показателя международного опыта, ответы на все эти вопросы (0 – нет, 1 – да) были рассчитаны по формуле Альфа Кронбаха (Cronbach's Alpha = 0,6), а совокупный (кумулятивный) показатель международного опыта был рассчитан по 5-бальной шкале.

Метод исследования (третий этап)

Третий этап исследования включал интеграцию CQS в систему мониторинга 1800 респондентов по всей Украине, включая сбор данных в каждом регионе. Были привлечены представители разнообразных профессий с различным уровнем дохода и типом образования. Как и в пилотном исследовании, инструмент использовался на украинском и русском языках, в зависимости от конкретной области. Была собрана также дополнительная демографическая информация. Исследование проводилось в рамках годо-

вого социологического обзора, осуществленного Институтом социологии Национальной академии наук Украины.

Результаты

Первый этап

Согласно результатам опроса респондентов, появились три составляющие, связанные с различными межкультурными стилями общения. Они были выделены как прагматический и поведенческий, а также проективный и ценностно-культурный. Прагматический и поведенческий стили основаны, прежде всего, на поведенческих запросах; в основе проективной составляющей, прежде всего, – познавательные и мотивационные вопросы; а ценностно-культурный стиль, прежде всего, основан на мета-когнитивных вопросах. Особый интерес вызывает тот факт, что проективная составляющая продемонстрировала высокий уровень когнитивного поведения, в отличие от ценностно-культурного, который характеризуется более низким уровнем мета-когнитивного поведения (Буко, Johnson, 2013).

Респонденты в обеих группах чаще определяли такие главные принципы межкультурного взаимодействия, как понимание, терпимость, развитие личности; «лидеры» подчеркивали особую роль знаний и общения, а представители широкой общественности подчеркивали важность уважения к другим культурам. Большинство респондентов соглашались, что знания и навыки в межкультурном взаимодействии должны быть переданы в качестве культурного сознания/совести, с учетом когнитивных и эмоциональных аспектов.

Второй этап

Почти все студенты отметили, что разговаривают, по крайней мере, на одном иностранном языке на уровне, достаточном для общения. Однако разница в CQ для разных групп студентов, которые разговаривают и не разговаривают на иностранном языке, была статистически значимой. Несмотря на то, что не существует исследований в отношении корреляции CQ и ксенофобии, было бы интересно проверить, действительно ли связан высокий уровень ксенофобии с низким уровнем CQ.

В проверке гипотез большая часть прогнозов была статистически незначимой. Например, результаты, поддерживающие гипотезу H1, являются следующими: международный опыт положительно сопряжен с мета-когнитивной, мотивационной и поведенческой моделями CQ. Международный опыт является главным предвестником для всех четырех измерений

CQ и CQ в целом; он положительно соотносится со всеми четырьмя изменениями CQ и CQ в целом.

В то же время результаты, поддерживающие гипотезу H2, являются следующими: знание языков (если человек владеет иностранным языком) положительно влияет на когнитивную модель CQ. Языковые навыки выполняют функцию главного предвестника когнитивной модели CQ, которая положительно соотносится с когнитивной моделью CQ. Кроме того, знание языков считается значительным предвестником мета-когнитивной и мотивационной CQ и может применяться в отношении всей CQ. Однако результаты свидетельствовали о невосприимчивости гипотезы H3: уровень ксенофобии слабо касается CQ в целом. Уровень ксенофобии (измеряемый шкалой Богардуса) не является обязательным предвестником CQ в целом и CQ в частности.

Третий этап

Основываясь на самых низких показателях, полученных в когнитивной CQ, можно предположить, что респонденты не согласились с тем, что они были ознакомлены с юридическими / экономическими системами, языковыми правилами; культурными ценностями, брачными основами, искусством и правилами невербальной коммуникации (41 % – 52 %). Причины полученных результатов можно интерпретировать так: историческая изоляция Киевской Руси и Советского Союза; отсутствие доступа к другим культурам (то есть, выезд за пределы страны был ограничен).

Самые низкие оценки, выявленные в мета-когнитивной CQ, позволяют предположить, что 31–33 % респондентов не осознавали своего уровня культурных знаний и их применения в отношении других культур. Они не проверяли их достоверность, даже имея дело с различными культурами. Менее 20 % опрошенных согласились с этим фактом. Возможная интерпретация полученных результатов является следующей: 1) вторжение других стран на территорию государства уменьшило ее желание развивать культуру, связанную с ним, с целью защиты своей культуры; 2) переход от этноцентризма к этнорелятивизму не является таким очевидным; однако возраст, регион, и языковые факторы должны рассматриваться более совершенно.

В мотивационной CQ было меньше ответов респондентов по крайней границе шкалы, за исключением «Мне нравится жить в культурах, незнакомых мне», где 43 % респондентов ответили «полностью не согласны» или «не согласны». И в поведенческой CQ многие респонденты (36 % – 40 %) не согласны с тем, что изменяют свое языковое поведение, тип речи, вид невербальной коммуникации или выражение лица, когда находятся в межкультурной среде. Объяснить данные результаты можно отсутствием пря-

мого влияния других культур; кроме того, не было достаточно возможностей для создания отношений, которые могли бы вызвать отсутствие доверия.

Более подробный анализ пяти переменных (возраста, образования, языка и места жительства в Украине), выявленных во время обработки 20 вопросов по CQS шкале, описан в результатах этого исследования. Абсолютным открытием стала статистическая незначимость гендерных различий. И мужчины, и женщины отвечали на поставленные вопросы практически одинаково. Хотя мы можем отметить определенные различия в числовых показателях шкалы во время ответов на каждый вопрос (наибольшая разница была заметна в показателях, которые касались значения мировосприятия во время коммуникации с представителями другой культуры), однако и они не были статистически весомыми.

Однако другие четыре демографические переменные продемонстрировали существенную разницу во время проведения непараметрических тестов для определения коэффициента корреляции (коэффициент корреляции ранга Спирмена), который заключался в уровне значимости 0,05. В отношении возрастной переменной по результатам заметно, что в ответах на каждый вопрос эта переменная достаточно важна. Мы заметили отрицательную корреляцию между увеличивающимся возрастом респондентов и их положительными ответами на 20 поставленных вопросов, то есть, чем старше были участники опроса, тем меньше они демонстрировали свой культурный интеллект по шкале CQS.

Такие результаты могут быть вызваны тем, что старшее поколение украинцев было изолировано от иностранного влияния в течение всей своей жизни и не имело возможностей выезжать за границу. Даже в период большей свободы они не были задействованы в межкультурном сотрудничестве. Более молодое поколение украинцев имело значительно больший доступ к всемирным медиа (особенно через Интернет) с 1991 года и большие возможности посетить другие страны. Они также имели возможность обучаться в других странах, что могло повлиять на их готовность положительно воспринимать другие социальные практики и идеи.

Подобный результат был получен с учетом уровня образования. Высший уровень образования и все элементы культурного интеллекта (по показателям CQS) имели положительную связь. Тестирование осуществлялось на уровне значимости 0,01, что предоставило результатам еще большее значение, нежели могло бы предоставить привлечение возрастной переменной (99 % правильности результатов). Этот факт стал особенно заметным в ответах на вопрос: «Мне нравится проживать в культурной среде, являющейся для меня не родной», что стало логичным продолжением. Респонденты с более высоким уровнем образования охотно приветствуют идеи представителей другой культурной среды, и этот факт может повлиять на готовность к восприятию других культур и желание изучать быт их представителей. Хотя такое открытие не обязательно свидетельствует о связи ме-

жду уровнем образования и культурным интеллектом, оно затрагивает интересные вопросы, касающиеся того, где эта положительная корреляция существует.

Респонденты должны были идентифицировать язык своего первичного общения (русский или украинский) для того, чтобы работать с анкетами. Сопоставление ответов обеих групп также показало существенные различия. В двух третьих вопросов носители русского языка имели более высокий уровень (по собственной оценке) культурного интеллекта. Однако в вопросах, измеряющих уровень гибкости и готовности изменить свое вербальное поведение во время межкультурной коммуникации и уровень осведомленности о невербальном поведении, носители украинского языка набрали более высокие баллы. Они также получали высшие результаты, отвечая на вопросы: «Я наслаждаюсь общением с представителями другой культурной среды». Однако носители украинского языка получили более низкие баллы, отвечая на вопрос «Я корректирую свои культурные знания, когда общаюсь с представителями другой культурной среды».

Такие результаты могут казаться противоречивыми, однако исторические факторы могут иметь большое значение. Носители украинского языка должны были корректировать свое вербальное поведение во время языкового ущемления, и эта черта могла четко перейти к нынешним носителям языка. Она могла быть полезной во время коммуникации с представителями соседних стран и во время адаптации в связи со сменой национальных границ.

В конце исследования проанализированы ответы респондентов четырех регионов Украины: центра, юга, востока и запада. Хотя границы между этими регионами не являются четкими, результаты продемонстрировали существенные различия между представителями юга и других районов. В двух третьих вопросов центр, восток и запад показали большее сходство показателей среднего балла, который был ниже, чем в южном регионе. Исключением стал вопрос об изменении вербального поведения в межкультурной среде и осведомленности о правилах невербальной коммуникации – которые соответствовали результатам, полученным от носителей разных языков. В этих случаях представители запада и центра имели более высокий средний балл (как и носители украинского языка). Однако жители запада и юга ответили почти одинаково на вопрос: «Я убежден (-а), что справлюсь с волнениями, подстраиваясь к культурной среде, являющейся новой для меня».

Поскольку южный регион имеет наибольшее количество носителей русского языка, ожидалось, что результаты будут подобными тем, которые были получены по языковому признаку. Однако существует исключение. Отвечая на вопросы: «Я сознательно использую культурную осведомлен-

ность, общаясь с представителями других культур», – жители восточного региона имели значительно более высокий средний балл.

Все результаты исследования, полученные в третьей фазе, указывают, что культурный интеллект может изучаться в Украине, основываясь на данных, имеющих важное социологическое, историческое и даже психологическое основание.

Выводы

Базируясь на результатах исследования, можно утверждать, что шкала CQS является достоверно и удачно выполненной на двух языках, на которых разговаривают в Украине (украинском и русском). Это важно, потому что понятие культурной компетентности является новым для страны. На первом этапе в фокус-группах были рассмотрены проблемы в отношении понимания концепта, а также обсуждались родственные с культурной компетентностью межкультурные идеи. Кроме того, представители фокус-групп предоставили личную информацию и данные о факторах, которые могут повлиять на понимание использованного инструмента. Большинство респондентов высказалось о важности знаний, а также определило навыки в межкультурном взаимодействии как «культурной осведомленности / сознания», принимая во внимание когнитивные и эмоциональные аспекты и регулируя межкультурную практику. По мнению участников качественного исследовательского этапа, быть просвещенным – необязательное условие, если учитываются культурные особенности [образованного] человека.

На втором этапе было осуществлено пилотное исследование с участием более 300 респондентов. Дополнительно ответы были проанализированы относительно существования международного опыта и знания языка. Были найдены положительные корреляции в первых двух переменных по CQ.

На третьем этапе с помощью CQS опросили более чем 1800 респондентов из каждой области Украины с более широкой выборкой. Основные результаты интерпретируются в рамках когнитивной, мета-когнитивной, мотивационной и поведенческой CQ. Несмотря на то, что полученные данные на третьем этапе позволили сделать вывод о культурных, исторических и географических особенностях Украины, возраст, регион, языковые факторы должны быть рассмотрены более подробно.

Все изложенные результаты исследования являются значительным вкладом в понимание трактовки понятия культурной компетентности в неамериканской среде. В то же время, исследование является перспективным, принимая во внимание территориальную, языковую и возрастную составляющие.

Литература

1. Ang, S., & Van Dyne, L. (2008). Conceptualization of cultural intelligence: Definition, distinctiveness, and nomological network. In S. Ang & L. Van Dyne (Eds.), *Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and application* (pp. 3–15). Armonk, NY: M.E. Sharpe, Inc.
2. Ang, S., Van Dyne, L., Koh, C., Ng, K. Y., Templer, K. J., Tay, C. & Chandrasekar, N. A., (2007). Cultural intelligence: Its measurement and effects on cultural judgment and decision making, cultural adaptation and task performance. *Management and Organization Review*, 3 (3), 335–371.
3. Barnes J., Buko S., Johnson B., Kostenko N. (2012, October). Through the looking glass: Do western leadership assessments work in cross-cultural contexts? Paper presented at the 14th Annual International Leadership Association Global Conference «Leadership Across the Great Divides: Bridging Cultures, Contexts, and Complexities», Denver, Colorado, USA.
4. Barnes J., Buko S., Johnson B., (2013, October) The transferability of cultural intelligence theory in Ukraine. Paper presented at the 15th Annual International Leadership Association Global Conference «Leadership for Local and Global Resilience: The Challenges of a Shifting Planet», Montreal, Canada.
5. Buko S., Johnson B., Cultural Intelligence Scale (CQS): testing cross-cultural transferability of CQS in Ukraine. *Study of Changing Societies: Comparative and Interdisciplinary Focus*. 4 (10) 2013.
6. Deardorff, D. K. (2009). Synthesizing conceptualizations of intercultural competence. In D. K. Deardorff (Ed.), *The Sage handbook of intercultural competence* (pp. 264–269). Los Angeles, CA: Sage.
7. Earley, P. C., & Ang, S. (2003). *Cultural intelligence: Individual interactions across cultures*. Stanford, CA: Stanford Business Books.
8. Goh, J. (2009). «Parallel leadership in an «unparallel» world’ – cultural constraints on the transferability of Western educational leadership theories across cultures». *International Journal of Leadership in Education*. 12 (4), 319–345.
9. Joo-seng, T. (2004). Cultural intelligence and the global economy. *Leadership in Action*, 24 (5), 19–21.
10. Subtelny, O. (2009). *Ukraine: A history* (4th ed.). Toronto: University of Toronto.
11. Van Dyne, L., Ang, S., & Koh, C. (2008). Development and validation of the CQS: The cultural intelligence scale. In S. Ang & L. Van Dyne (Eds.), *Handbook*

- of cultural intelligence: Theory, measurement, and application (pp. 16–38). Armonk, NY: M.E. Sharpe, Inc.
12. Джонсон Б. (2013, листопад) «Адаптація шкали інтелектуальної обізнаності (CQS) в Україні: лінгвістичні й культурологічні питання щодо застосування шкали в іншому середовищі». Статтю було представлено на XII Міжнародному Семінарі «Релігія і громадянське суспільство: поміж фундаменталізмом і секуляризацією» 22 листопада 2013 року в Ялті (Україна).
 13. Костенко Н., Скокова Л., Тестирование шкалы культурной компетентности (CQS): украинская аудитория // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2012. – № 4. – С. 159–184.
 14. Социокультурные идентичности и практики / Под ред. А. Ручки. – К. : Ин-т социологии НАНУ, 2002.
 15. Медиа. Демократия. Культура / Под ред. Н. Костенко, А. Ручки. – К. : Ин-т социологии НАНУ, 2008.
 16. Субкультурная вариативность украинского социума / Под ред. Н. Костенко, А. Ручки. – К. : Ин-т социологии НАНУ, 2010.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2014 г.